

Шекспир в переводе Бориса Пастернака

М. Морозов. Шекспир, Бернс, Шоу...

М., "Искусство", 1967

Автор вступительной статьи и составитель сборника и редактор Ю. Шведов

OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

Само собой очевидно, что перевод слово в слово, вне зависимости от внутренней смысловой нити, связующей отдельные слова, приводит к набору вокабул, в котором - и то далеко не всегда - смутно отражено содержание, как в кривом и закоптелом зеркале. Возьмем для примера следующие две реплики из комедии Шекспира "Укрощение строптивой". Беседуют слуги - Куртис и Грумио (акт IV, сц. 1-я). Грумио только что пришел с холода.

"Куртис. Придите, вы есть так полны ловли кроликов.

Грумио. Почему поэтому огонь: ибо я имею пойманный исключительный холод".

Вносим в этот "перевод" необходимые поправки: раскроем смысловое содержание грамматических форм, уточним по контексту значение слов, постараемся приблизиться к грамотной русской речи.

"Куртис. Ну и мастер ты ловить кроликов.

Грумио. Поэтому разводи огонь, ведь я не на шутку простудился".

Оказывается, что мы очень мало приблизились к передаче содержания, мы все еще находимся на периферии шекспировского текста, в поверхностных его пластах. Нужно копнуть глубже. Обратимся к ученым комментаторам, которые сообщат нам, что "ловить кроликов" - старинный английский идиом, означавший "плутовать".

"Куртис. Ну и плут же ты!

Грумио. Поэтому разводи огонь: ведь я не на шутку простудился".

Увы, комментаторы нам мало помогли, и мы, в сущности, так и не поняли этого места. Так и осталась не переданной "соль" реплики Грумио, его каламбур (игра на слове ловить, схватить кролика, простуду). Как же передать этот каламбур? Многие переводчики в таких случаях отказываются от дальнейшей борьбы и оставляют перевод недоделанным, в лучшем случае ограничиваясь примечанием: "Непереводимая игра слов". А между тем тут как раз и начинается творчество переводчика, который, вступив в борьбу с буквой подлинника, побеждает эту букву, преодолевает ее и, освободив содержание, облакает его в новую форму родного языка. Но для этого нужен мастер русской речи. И великий мастер русской речи А. Н. Островский блестяще перевел реплики Куртиса и Грумио: "Ох ты, продувной! - Да, меня продуло не на шутку".

Как мы уже сказали, далеко не все переводчики вступают в эту творческую борьбу с подлинником. Откроем наудачу "Меру за меру" в переводе Каншина. Говорит Помпей: "Здесь, во-первых, находится господин "Опрометчивый", подписавший обязательство в сто девяносто семь фунтов, но вместо денег получивший сколько-то оберточной бумаги и негодного в употребление имбиря, выручив за это наличными пять марок. Беда в том, что спроса на имбирь не было никакого, так как все старухи перемерли". Каншину вторит переводчик Миллер: "Во-первых, тут молодой господин по имени Прыткий; сидит он здесь за груз серой бумаги и старого имбирю, всего за сто девяносто семь фунтов, за которые он выручил деньгами всего пять марок. Разумеется, оттого, что имбирь мало спрашивали, а старухи, вероятно, все перемерли". Но не будем несправедливыми к этим переводчикам. Многие шекспировские переводы, вышедшие в советское время, засорены не менее безобразными буквализмами. Язык Шекспира чрезвычайно богат идиомами разговорной речи той эпохи, народными пословицами и поговорками - прежде всего в комических диалогах, переводы которых особенно пострадали от буквального копирования. Так, например, в переводах М. Кузмина можно найти много мест, подобных следующему:

"Башка. Таким словесным крохоборчеством они уже давно кормятся. Удивляюсь все-таки, как хозяин тебя не проглотил вместо чужих слов... Тебя легче проглотить, чем горящую паклю с вином" ("Бесплодные усилия любви". - Вильям Шекспир, Полное собрание сочинений, т. I, "Academia", 1937). К этому месту Дано примечание: "Существовал обычай, в знак пьяного молодчества, проглатывать вместе с глотком вина кусок зажженной пакли". Быть может, примечание поможет читателю разобраться в этой галиматее. Но как быть театру? Ведь актеры говорят текст, а не примечание к нему. Даже у такого мастера перевода, как М. Лозинский, благодаря которому произведения Данте и Лопе де Вега открылись нашему читателю во всем великолепии, при переводе Шекспира нередко